

МАНЕЖ

ЛИНА ЧАПЛИН

Русская публика любит
фильмы, которые «не гнут»

LENA CHAPLIN

Russian public likes films that
doesn't «bend»

СВЕТОСЛАВ ОВЧАРОВ

В Болгарии каждый фильм
исторический, потому что
найти на него деньги – целая
история

SVETOSLAV
OVTCHAROV

In Bulgaria every taken film
is a period one, because it
takes quite a period to find
money for it

ЙОХАННА ТЕР СТЕЕГЕ

Режиссер слышал мой голос,
но не мог давать указания.
Не знаю, кто из нас нервничал
больше

JOHANNA TER STEEGE

The director heard my voice,
but he couldn't give me
commands. I don't know who
was more nervous

Гибель богов

Муки в огне / Mooki bo'era

Конкурс

Реж. Лина Чаплин, Слава Чаплин, 102'

Даже на фоне всеми отмеченного в последние годы бума израильского кино фильм «Муки в огне» поражает и удивляет. Он рисует совсем не тот образ Израиля, что знаком по рассказам обывателей: туристический рай, дискотеки, никакой войны даже незаметно. И хотя в картине действительно нет войны, довольно скоро становится понятно, почему главный герой Муки Герштейн – «рассерженный молодой человек» – двадцать лет как бежал из страны, в которой родился и вырос. Почему он оказался за гранью нервного срыва и потребовались годы на чужбине, чтобы душевно реабилитироваться. Почему вопрос о том, ехать ли в родной город на похороны матери, оказывается для героя мучительной дилеммой.

Детство Муки прошло в среде тех мужчин и женщин, которые пережили Холокост и продолжают дальше жить с этой травмой, перенося ее на окружающих и травмируя, в свою очередь, молодое поколение. Мать Муки после неожиданной смерти мужа переключает любовь и нежность на сына, но одновременно ищет поддержку у омерзительного ловеласа Янека, о котором говорят, что он сотрудничал с лагерными надзирателями и сам загонял узников в печь. Правда это или нет, но в доме и вокруг бушуют большие страсти, происходят самоубийства, а главный герой, отравленный этой удушающей атмосферой, теряет любимую девушку, проходит через наркотики и инцест. Это тяжелое, нагруженное, но при этом очень эмоциональное кино.

Своей радикальностью, а главное, анализом мифологии второй мировой войны скромная в постановочном смысле картина побуждает вспомнить такие шедевры большого стиля, как «Гибель богов» Лукино Висконти. Зловещие призраки прошлого заполняют пространство фильма, создавая эффект клаустрофобии. Режиссеры Лина и Слава Чаплин (восемь лет назад ставшие победителями московского фестиваля «Лики любви») принадлежат старшему поколению, но весьма критически смотрят на сформировавшие его в сущности благородные идеи. Как известно, многие такие идеи в жизни деформируются и перерождаются. Сочувствие жертвам нацистских лагерей на долгие годы закрыло другую сторону проблемы: как искалечена психика выживших и как трудно строить здоровое общество на кладбище кошмарных воспоминаний.

Елена Плахова

Жюри / Роберт Дорнхельм

Путь к славе

Российским зрителям Роберт Дорнхельм – австрийский режиссер румынского происхождения и председатель жюри конкурса «Перспективы» на 31-м МКФ – знаком по недавней телевизионной экранизации «Войны и мира». В этом масштабном и трудоемком проекте, бюджет которого превышал 20 миллионов евро, были заняты 15 тысяч статистов и кинематографисты самых разных стран. В чем Дорнхельму не откажешь, так это в разносторонности его талантов, ибо за долгую и плодотворную карьеру он успел попробовать силы и на телевидении, и в кино. И всегда ему сопутствовал беспрецедентный успех: такому, как у него, количеству престижных наград, номинаций да и просто вниманию крупных фестивалей мог бы позавидовать любой кинематографист. На премию «Оскар» была номинирована уже первая киноработа Дорнхельма – документальный фильм «Дети с театральной улицы» (1977). Не остался в стороне и Каннский МКФ, поспешивший запустить в конкурс эту и последующую его ленту «Она танцует одна» (1981). Интересом профессионалов и зрителей пользовались «Эхо Парк» и «Холодные ноги», снятые режиссером в США. В 1990 году его «Реквием по Доминику» был номинирован на «Золотой глобус» как лучшая иностранная картина. Обласкало Дорнхельма и телевидение. Внушительное признание снискали биографические фильмы «Фатальный обман. Миссис

Ли Харви Освальд», «Роберт Фитцджеральд Кеннеди», «Руди. История Руди Джилиани» и другие. Многие его мини-сериалы неоднократно оказывались на первых позициях в списках ежегодных рейтингов и были осыпаны букетом всевозможных наград. У «Анны Франк» (2001) было одиннадцать номинаций на «Эмми»!

В Москву Роберт Дорнхельм приехал не с пустыми руками: киноопера «Богема» с Анной Нетребко в главной роли будет показана в одной из внеконкурсных программ фестиваля. А в качестве председателя жюри режиссер уже пообещал оценивать увиденные картины, «как зритель, а не как профессионал».

Николай Долгин

Сказка про темноту

Мелодия для шарманки / Melody for the Barrel-Organ

Конкурс

Реж. Кира Муратова, 149'

Радикальная Кира Муратова обратилась к святочному рассказу. В духе Андерсена, Диккенса, Теккерея. Так – на первый взгляд. И так, упоминая эти имена, уважаемый господин описывает – по мобильнику жене – оборвыша «как из святочного рассказа», за которым предлагает ей примчаться в супермаркет. Живой литературный персонаж – оригинальный подарок, и его не купишь даже в рождественскую распродажу. Внедрившись в классический жанр, Муратова его раздвигает, насыщает до «апокалипсиса сегодня». Сохраняя рамку и протагонистов святочной истории, она обнажает опустошенную форму, из которой выветрилось содержание. Бог давно умер. Остались ритуальные приметы Рождества. Открытки с евангельскими сюжетами, искусственные елки, спрей с запахом хвои, фольклорные песнопения. Сценарий В.Зуева – о брате Никите и сестрице Аленушке, бежавших после смерти матери на поиски отца, чтобы не

оказаться в разных детских домах, – дал Муратовой повод для создания новой «фрески» о времени. И о людях на все времена. Первая называлась «Астенический синдром», теперешняя показана как страшная с веселыми блестками сказка, а рассказана – как роуд-муви. Дети добираются до большого города, потом теряют друг друга, потом мальчик замерзает и умирает. Путь голодных бездомных детей ужесточают и растравляют встречи с бездомными голодными воришками, животными, добродушными, злыми или равнодушными взрослыми, картинками праздничного застолья и счастливых детишек в костюмах ангелочков. А притормаживают этот путь два долгих эпизода – два микрокосмоса в гиперпространстве картины.

Первый пункт назначения – вокзал. Город в городе. Муратова снимает его как чудесное (дети находят купюру в 500 евро) и опасное (деньги забирает «добрая» тетя с ребенком) место. Так Муратова в который раз разрушает миф

о «честной бедности простых людей», не обольщая и таким утешением. Переходы, платформы, закоулки, цыгане, буфеты, манящие объедками, игровые автоматы, к которым прилипли маньяки, камера хранения, где дурачатся близнецы, бомжиха с вонючим шарбом и концертным номером (камео Нины Руслановой), вип-зона, где на кожаных диванах живописно упокоились спящие, «авилонская площадь» с голосящей по мобильникам толпой в грандиозной оркестровке бытовых до безумия реплик. А рядом, на ступеньках мраморной лестницы, притулился ухоженный мальчик, диктующий по телефону стишок про венок для Христа из шипов, а не роз.

Вокзал Муратова снимает как сверхреалистка, а супермаркет – столп общества и вторую опорную конструкцию фильма – как образ рая, праздничной сцены (здесь инсценируется спектакль воришек – забава богатых, чья причастность оплачена их «режиссером»). Но и как образ тюрьмы (сестрицу Аленушку держат в застенках охранники за украденный хлеб), рождественской сказки (Рената Литвинова в роли королевы бала является в меховой мантии и диадеме за мальчиком, о котором рассказал ее начитанный муж), карнавала веселья и унижений изгоев. Муратова заводит классических бродяжек с обледеневших улиц в теплые подъезды, откуда их гонят, в казино, на аукцион, где торгуют тифлисской шарманкой, останавливает перед окнами, освещенными семейным уютом, а приводит брата Никиту на стройку нового дома, где в ночь перед Рождеством можно вытянуть уставшие ноги, уснуть, умереть. В святочный рассказ она вставляет, как яблоки в рождественскую индейку, нравописание и физиологию нового стабильного общества. В его срез попадают тертые корабейники и заскорузлые пассажиры электрички, шикарные машины с крутыми владельцами, рабочие, которым не платят зарплату, незаконные нищие и члены профсоюза попрошаек. Все в одной «Мелодии...», снятой «в жанре» социального авангарда.

Зара Абдуллаева

VIP / Ханна Шигулла

Ханна и ее сестры

Дважды став музой Райнера Вернера Фассбиндера, Ханна Шигулла снялась у него в восемнадцати фильмах и двух телесериалах. Впервые избавившись в 1974 году от власти этого искусного диктатора и манипулятора, которого актриса называла котом, способным в любой момент напасть и поцарапать, она с блеском предстала в «Ложном движении» Вима Вендерса, а еще сыграла в фильме «Глазами клоуна» (экранизация знаменитого произведения Генриха Бёля) Войтеха Ясны. Новый экранный роман с Фассбиндером продлился всего лишь три года, зато Ханна выступила в своих лучших ролях – в «Замужестве Марии Браун» и «Пили Марлен». Повторно разругавшись в 1981 году с «невоздержанным кумиром», с которым она некогда в юности начинала на актерских курсах в Мюнхене, Ханна Шигулла, в отличие от многих его кинопассий, сумела без особых усилий быть вдохновительницей и для Марко Феррери («История Пьеры», «Будущее – это женщина»), и для Жан-Люка Годара («Страсть»), и для Карлоса Сауры («Антоньета»), и для Анджея Вайды («Любовь в Германии»), и для Пала Шандора («Мисс Аризона»).

Примерно тогда же актриса впервые попала в Россию, где снимался американский мини-сериал «Петр Великий», в котором она сыграла Марту Скавронскую, вторую жену российского императора и будущую царицу Екатерину I. Хотя еще до этого состоялась встреча актрисы с русской классикой, когда она снялась в роли Даши в немецком телесериале «Бесы» по роману Достоевского. Вот и самая последняя актерская работа Шигуллы тоже связана с Россией – в «Турецкой княжне» она стала Анной Ахматовой. Кстати, Ханна Шигулла нередко соглашается играть в фильмах молодых и еще неизвестных режиссеров. Проще всего посчитать, что она оказывается типичной guest star, приглашенной кинодивой, к тому же обеспечивая важный культурный контекст сопоставления и с кинематографом Фассбиндера, и со всем «новым немецким кино» рубежа 60–70-х годов – а она снялась тогда и у Петра Фляйшманна, и у Фолькера Шлэндорфа, и у Райхарда Хауфа. Однако если окинуть мысленным взором почти девять десятков ролей, сыгранных Шигуллой за сорок лет, то трудно не признать очевидное: это потрясающая женщина – и женщина до мозга костей! У нее были разные экранные име-

на, но тот же Фассбиндер, умевший «нежно мучить» своих актрис, воспевая женские образы «любимой и ненавистной Германии», знаменательно отдал Ханне роль Евы в телесериале «Берлин, Александерплац». Потому что в каждой из фассбиндеровских героинь, сыгранных Шигуллой, есть главное, что было свойственно и прародительнице всех женщин. Это же почувствовал, возможно, сильнее других Марко Феррери, дав одному из своих фильмов программное

название «Будущее – это женщина», где актриса сыграла Анну. Анна, Эуджения, Мария, Эффи, Карин, Тереза, Ева... – все они Ханна. Очень часто многие режиссеры, снимая актрису, отдавали ее имя ее же героиням. И это не столько дань почести Шигулле, сколько очевидное признание неразрывной связи между ее неисчерпаемой женской сутью и теми женщинами, которых она изображает на экране.

Сергей Кудрявцев

Монолог

Последний разговор / Last Conversation
Перспективы
Реж. Нюд Хиркенс, 75'

Если бы на ММКФ был приз за лучшую операторскую работу, то его точно не получил бы «Последний разговор». Заручившись согласием Йоханны тер Стееге, звезды фильмов Филиппа Гарреля, режиссер Нюд Хиркенс и оператор Рихард ван Остерхут решились на кинематографический эксперимент. Назвать его уникальным можно с большой натяжкой: в режиме реального времени героиня картины ведет машину и разговаривает по телефону, и этот процесс механически фиксируют закрепленные в автомобиле видеокамеры. Их двадцать пять, если верить пресс-релизу. Это, конечно, не тысяча глаз Ларса фон Триера, но режиссер и не претендует...

Анна, женщина средних лет, за рулем. Звонит телефон. Оставшийся час с четвертью она проведет в той же самой машине, бросая слова – с вызовом и в пустоту. Потом – почти в слезах, в отчаянии, обвиняя в чем-то абонента и принимая его упреки. Из этого непрерывного телефонного монолога мы узнаем некую мелодраматическую историю, которая привела ее к разрыву долгих отношений с любовником.

75 минут из жизни Анны сложно назвать увлекательным зрелищем. Жизнеописание одиночества – проклятая тема европейского кино – в «Последнем разговоре» выступает ширмой для старых, но все таких же притягательных экспериментов с киноязыком. В прошлом году в «Перспективах» был датский «Один кадр», выбивавший последние дивиденды из эстетики «Догмы», в этом – Нюд Хиркенс с его двадцатью пятью «глазами», приносящий в жертву сомнительным упражнениям в стиле home video замечательную актрису, которой он оставляет минимум жизненного пространства. В кадре почти все время только нижняя часть ее лица, глаза скрыты в тени. Но она создает образ там, где на это нельзя было и надеяться, и в конце концов берет управление картиной в свои руки, уверенно сопротивляясь экспериментаторскому диктату режиссера.

«Последний разговор» вырывает на знакомые пути вполне традиционного вульгарного фламандского натурализма. Сценарий-конструкция нагнетает состояние, камеры-механизмы его фиксируют, пытаясь завладеть зрителем, фильм то сбивается на непристойности, то щемит мелодрамой. Потный натурализм, называемый адептами жизнеподобием, безусловно, имеет богатую историю, в которую свой достойный вклад вносит и картина Хиркенса, но это кино не сегодняшнего дня. Только что если завтрашнего.

Андрей Циголев

Сделано в Америке

Vegas: Подлинная история / Vegas: Based on a True Story
Московская эйфория
Реж. Амир Надери, 102'

Классическое независимое кино новейшего времени. Традиционный сюжет прост. Зато режиссура перпендикулярна истории, снимавшейся на задворках Лас-Вегаса. Перерождение камерной истории в мини-эпос про одержимость составляет наэлектризованный сюжет этого фильма. И он вовлекает гораздо сильнее, чем фабула о пари одного проходимца, который разыграл простых американцев, охмурив кладом, будто бы закопанным на их участке при домике у дороги.

Неудачливый мелкий игрок Эдди становится заложником местного розыгрыша, но также универсальных упований. А превращается он в испепеленного азартом игрока, заключившего с собой, человеком-песчинкой, пари. Ставка в этой игре – в смертельной схватке «земли и воли» – мифология американской мечты. А результат – истребление жалкого счастья в одноэтажной Америке близ Sin City. Домик, похожий на трейлер, оживляют попугайчики в клетке – радость тинейджера Митча. Обезвоженный клочок земли украшают цветочки в горшках, выращенные официанткой Трейси назло сухой почве. Эти цветочки останутся в финале – в кладбищенской мизансцене – в память о живших тут людях. Худосочные помидоры – добыча настойчивой хозяйки на скудный семейный обед. А вот эти трофеи, раздавленные в оргиастическом иступлении бульдозером, оставят кровавый след на земле, став уже трофеями битвы за жизнь ее мужа, могильщика хрупкой добычи.

Эта история, ослепляя своих протагонистов, переводится режиссером в трагедию, не превосходящую реальность и снятую на «цифру». Никаких признаков эффектного арта. Внятность места-времени-действия. Функциональность посылы при иррациональной тяге к преодолению участи. Здесь тревожный перезвон мобильных предвещает бурю в пустыне, а она – превращение людей в пыль или в призраки угасших надежд. Сверхъестественная концентрация взгляда при лаконичности приемов порождает напряженный минимализм мизансцен и композиций. А экранное пространство, пропитанное бледным огнем желаний персонажей, возбуждает их или иссушает. Бескомпромиссные порывы к изживанию страсти были свойственны и другим героям американских фильмов иранца Амира Надери. Но в «Вегасе» они достигают неумолимости ветхозаветного рока.

Зара Абдуллаева

Другой берег

Событие / The Event
Перспективы
Реж. Андрей Эшпай, 112'

Интервью с режиссером ведут Петр Шепотинник, Ася Колодижнер

Фильм «Событие» не первая твоя экранизация. Какие законы работы над этой киноформой ты для себя сформулировал?

– Среди кинематографистов, следующих «чистому» кино, распространено мнение, что экранизация – это кино иллюстративное, ненастоящее. С этим я категорически не согласен. Вспомнить хотя бы гениальный фильм Кураса-вы «Идиот»! И таких примеров много. Главное, я считаю, не поддаваться литературному тексту, а попробовать вступить с ним в диалог, найти живые характеры, живые струны и какой-то отголосок современности. Когда это удастся, тогда и вспыхивает искра кино. Если же просто следовать тексту, пытаться пройти по всем ремаркам, получишь жалкую реконструкцию.

Мы долго делали фильм, потому что первоначально снимали телевизионную версию, потом доделывали ее, а в начале этого года сдали уже киноверсию. Наверное, это очень странная для нынешнего киноконтекста картина. Более того, это первая экранизация Набокова в России и двенадцатая или тринадцатая его экранизация вообще.

Язык Набокова – особый. Что было главным и что наиболее сложным в работе?

– Самый сложный вопрос – пространство и время у Набокова: происходит такой жанровый «распад», что трудно найти какую-то единую линию. Возможность подойти к странному языку и образовать некий свой мир именно средствами кино нам позволили две вещи. Во-первых, это изобразительное решение мастерской, принадлежащей художнику и фотографу, – она выполнена в черном цвете и в некоторые моменты «переходит» в пространство, лишённое времени. Во-вторых, это сломленное сознание Любы: все происходит в ее голове, чем можно оправдывать очень многие жанровые смещения. То, что она фотограф, и то, что она выпивает, привнесено нами, эта трактовка совершенно новая для пьесы «Событие». Чулпан Хаматова играет, с одной стороны, очень сложный характер, а с другой – какое-то существо, некую материю и потерянную душу, выходя за пределы реальных обозначений характера. Трагические события были таковы, что Набоков потерял Россию, но для него она имела гораздо большее значение, чем для многих живущих здесь. Он все равно уникальный русский писатель, и излом, который есть в нем – и в языке, и в развитии характеров, – элементы разложения личности и потери каких-то опор – очень русское качество. «Событием», этим нашим диалогом с Набоковым, мне хотелось показать, насколько глубоко оно ему присуще.

La caduta degli dei

Mooki bo'era / Burning Mooki
Dir. Lena Chaplin, Slava Chaplin, 102'

Even against the background of the undisputed boom of the Israeli cinema «Burning Mooki» is amazing and surprising. It offers an image of Israel which is very different from the familiar one arising from common people's stories: tourist paradise, discos, no signs of war. Although there is really no war in the movie, it soon becomes clear why the protagonist, Mooki Gershtein, the angry young man, fled the country of his birth 20 years ago. Why he was beyond the nervous breakdown and it took years away from home to heal the wounds in his soul. Why the problem of whether or not to go to his native town for his mother's funeral is such an excruciating dilemma. Mooki's childhood was spent among men and women who had lived through the Holocaust and continued to live with this trauma transferring it to others and mutilating the younger generation. After the sudden death of her husband Mooki's mother transfers all her love and kindness to her son but at the same time seeks help and support from the disgusting womanizer Janek, who is rumored to have cooperated with the concentration camp management and to have personally driven prisoners into the ovens. One way or another, the house and its neighborhood are swept by unhealthy passions, a wave of suicides and the protagonist, poisoned by this atmosphere, loses his beloved, experiences drugs and incest. This is painful, grave and very emotional cinema. The radical approach and most importantly the analysis of the mythology of the World War II chosen by the authors of this modest-scale movie brings to mind such masterpiece of the grand style as Luchino Visconti's «La caduta degli dei». Ominous ghosts of the past fill the movie, creating a claustrophobic effect. The directors Lena and Slava Chaplin (eight years ago they were winners of the Moscow festival «Faces of Love») belong to the older generation but are very critical of its essentially noble aims. It is well known that many similar ideas get deformed and degenerate in real life. Compassion for the victims of Nazi camps has for many years overshadowed another side of the problem: how much the psych of the living is mutilated and how difficult it is to build a healthy society on the cemetery of nightmarish memories.

Elena Plakhova

Jury / Robert Dornhelm Glory Road

Robert Dornhelm, the Romanian-born Austrian director and chairman of the Perspectives Jury at the 31st MIFF, is familiar to Russian viewers after the recent TV screen version of «War and Peace». This large-scale demanding project with a budget of more than 20 million Euros, involved 15 thousand extras and filmmakers from different countries. Dornhelm exhibits surprisingly diverse talents. During his long and fruitful career he worked on TV and in cinema. He was always immensely successful. Any filmmaker would envy the number of his prestigious awards, nominations, interest of the big festivals. Dornhelm's first cinematic work «The Children of Theatre Street» (1977) was nominated for «Oscar». The Cannes festival was quick to screen this movie in competition as well as his next work «She Dances Alone» (1981). Viewers as well as professionals showed an interest in «Echo Park» and «Cold Feet», shot in the USA. In 1990 his «Requiem für Dominik» was nominated for the «Golden Globe» as the best foreign film. TV flattered Dornhelm as well. Biographical films «Fatal Deception: Mrs. Lee Harvey Oswald», «RFK», «Rudy: The Rudy Giuliani Story» and others were loudly acclaimed. Many of his mini-series often ranked first in annual ratings and were lauded with different awards. «Anne Frank: The Whole Story» was nominated for an «Emmy» in eleven categories! Robert Dornhelm did not come to Moscow empty-handed. Film opera «La Bohème» will be screened in one of out-of-competition programs of the festival. As the chairman of the Jury the director has already promised to judge the movies «as a viewer and not as a professional».

Nikolai Dolgin

Tale in the Darkness

Melodiya dlya sharmanki / Melody for the Barrel-organ
Dir. Kira Muratova, 149'

The radically-minded Kira Muratova has turned her attention to a Christmas story in the spirit of Andersen, Dickens, Thackeray. Or it seems that way at the first glance. A respectable gentleman (Oleg Tabakov) mentions these names while describing to his wife (over the cell phone) a ragamuffin «straight from a Christmas

story» and concludes by asking her to rush to the supermarket to pick him up. A live literary character is an original present that you can't buy even at a Christmas sale. Having made her way into the classical genre Muratova stretches it, filling to the brim, to «apocalypse now». Preserving the framework and characters of a Christmas story she lays bare the empty form which no longer has any meaning. The God has long been dead. Only the familiar Christmas signs remain. Postcards with Gospel themes, artificial fir-trees, spray with the sent of needles, folk chants. V.Zuev's screenplay (about brother Nikita and sister Alyonushka who, following their mother's death, ran away in search of their father because they did not want to end up in separate children's homes) inspired Muratova to create a new fresco about the epoch. And also about people for all times. The first one was called «Asthenic Syndrome», the present one is a horror fairy tale with funny spangles, and is told like a road movie. The children make their way to the big city, then they lose sight of each other, then the boy freezes to death. The path of the hungry homeless children is made more cruel and painful by meetings with homeless hungry thieves, animals, good-natured, evil and indifferent adults, pictures of happy children dressed as angels at a festive dinner. Their progress is slowed down by two long episodes, two microcosms in the hyperspace of the movie. The first destination is the station. A town within a town. Muratova films it as a magic (the children find a 500 Euro banknote) and dangerous place (the money is taken away by a «kind» lady with a child). Muratova thus denounces once again the myth about the «honest poverty of common people», denying us even this week consolation. Passages, platforms, blind alleys, gypsies, canteens filled with alluring leftovers, game machines besieged by maniacs, left-luggage office where two twins are fooling about, a homeless woman with stinking baggage and a concert number – Nina Ruslanova's cameo, the VIP zone where picturesque sleeping people have found repose on leather couches, the «Babylon square» with the crowd of people shouting over cell phones in the grand orchestration of maddeningly routine dialogues. And next to it all on the steps of the marble staircase a well-groomed boy is speaking into the phone and dictating a poem about Christ in the wreath of thorns instead of roses. Muratova films the station as a super-realist, while the supermarket, this pillar of society and the second basic construct of the movie, becomes a symbol of paradise, of festive arena (the thieves stage their play there, the entertainment of the rich whose whim is paid for by their «director»). But it is also an image of prison (sister Alyonushka is kept in custody by the guards for having stolen some bread), of the Christmas fairy-tale (Renata Litvinova as the ball queen appears in a fur coat and diadem to pick up the boy about whom her well-read husband told her), of carnival merry-making and of the humiliation of outcasts. From frozen streets Muratova takes her classic tramps into warm lobbies of houses from which they are thrown away, into the casino, to an auction where a Tiflis pipe-organ is being sold, stops them in front of windows aglow with family comfort and leads brother Nikita to the construction site of a new house, where, on the night before Christmas, one can stretch out one's tired legs, fall asleep, die. She imbues the Christmas story with descriptions of morals and physiology of the new stable society like a Christmas turkey is stuffed with apples. A cross-section reveals experienced thieves and passengers of electric trains, luxurious cars and their tough owners, workers who do not get their wages, outlaw beggars and members of the trade union of beggars. It all is in one «Melody...», shot as social avant-garde.

Zara Abdullayeva

VIP / Hanna Schygulla Hannah and Her Sisters

Twice the muse of Rainer Werner Fassbinder, Hanna Schygulla acted in 18 of his movies and 2 TV series. In 1974 she broke free from this skilled possessive and manipulative dictator for the first time. The actress used to call him a «cat who can attack and scratch you at any moment». After that she shone in Wim Wenders's «False Movement» and in Vojtech Jasný's «The Clown» (after the famous novel by Heinrich Böll). The new cinematic love affair with Fassbinder lasted for only three years, but Hanna played her best parts in «The Marriage of Maria Braun» and «Lili Marleen». The next falling-out with the «hot-tempered idol», with whom she, then a young girl, began her studies in Munich in the actors' school, occurred in 1981. Unlike his other screen passions Hanna Schygulla had no difficulty becoming an inspiration for Marco Ferreri («The Story of Piera», «The Future Is Woman»), Jean-Luc Godard («Passion»), Carlos Saura («Antonieta»), Andrzej Wajda («A Love in Germany») and Pál Sándor («Miss Arizona»). It was then that the actress got to Russia for the first time.

In the mini-series «Peter the Great» she played Catherine Skavronskaya, the second wife of the Russian Emperor and the future queen Catherine the 1st. But even before that the actress had contact with Russian classics when she played Dasha in the German TV series «Die Dämonen» after Dostoyevsky. The actress's latest work is also related to Russia. In «Turkish Duchess» she became Anna Akhmatova. Hanna Schygulla often gives her consent to play in movies directed by young unknown filmmakers. The simplest explanation will be that she is a guest star providing the important cultural context of associations with Fassbinder and the «new German cinema» of the 60-70s, when she played in moves by Peter Fleischmann, Volker Schlöndorff, Reinhard Hauff. If we take a look at Schygulla's almost 90 roles which she played over the period of 40 years, we will have to acknowledge the obvious: she is a fantastic woman and a woman all through. She had different on-screen names, but the same Fassbinder, who knew, how to «tenderly torture» his actresses creating female images of the «loved and hated Germany», entrusted Hanna with the part of Eva in the TV-series «Berlin Alexanderplatz». Each of Fassbinder's heroines played by Schygulla, has that very essential quality which characterized the ancestor of all women. Marco Ferreri felt it, perhaps, better than anyone else when he named his movie «The Future Is Woman» where the actress played Anna. Anna, Eugenia, Maria, Effi, Karin, Therese, Eva... they are all Hanna. Very often directors gave the actress's name to her characters. It is not so much homage to Schygulla as the acknowledgement of the inseparable link between her infinite female essence and those women whom she impersonates on the screen.

Sergei Kudriavtsev

Monologue

Last Conversation
Dir. Noud Heerkens, 75'

If the Moscow Festival awarded the prize to the best cameraman, the movie «Last Conversation» would definitely not receive it simply because there is no cinematography as such. With the consent of Johanna ter Steege, the star of Philippe Garrel's movies, the director Noud Heerkens and the cameraman Richard van Oosterhout went in for a cinematic experiment. It can hardly be called unique: ter Steege's character is driving a car and talking over the phone in real time and this process is mechanically recorded by several cameras installed in the car (the press-release gives the number 25). This is not the 100 eyes of Lars von Trier. But the authors seem to be content with what they have got and 25 are more than enough. A middle-aged woman Anna is driving the car. The cell-phone rings. She will spend the remaining hour and a quarter in the same car addressing her words with challenge into emptiness. Then almost in tears, in despair, she will be reproaching the interlocutor for something and suffering his accusations. This endless telephone monologue will tell us the melodramatic story which put an end to her long relationship with her lover. Entertaining is hardly the right world to describe the 75 minutes in the life of Johanna ter Steege. The description of loneliness is the cursed theme for European cinema. In «Last Conversation» it veils the old but so alluring experiments with film language. The movie «One Shot» which was included into last year's Perspectives competition, tried to get the last dividends of the Dogma aesthetics, this year Noud Heerkens and his 25 «eyes» are sacrificing a remarkable actress to questionable experiments. Heerkens leaves her just the minimum of space. Most of the time only the lower part of ter Steege's face is seen on the screen, the eyes remain in the shadow. But a good performer can play even with his mouth and ter Steege is a good actress. She pulls her part with her teeth, giving freedom to Heerkens and his exercises with Home Video. She creates a character when no one could hope for it and finally takes the picture into her hands, resisting the experimental dictatorship of the director in the back seat. «Last Conversation» takes the familiar turn to the traditional vulgar Flemish naturalism. Mechanical cameras record, the construct of the script builds up tension, tying to capture the attention of the audience, the movie sways between obscenities and melodrama. The sweaty naturalism, which its adherers call «life-like-ness», has rich traditions and Heerkens's movie makes its contribution, but this is not the cinema of today. Perhaps of tomorrow.

Andrei Schigolev

Made in USA

Vegas: Based on a True Story
Dir. Amir Naderi, 102'

This is classic example of independent cinema. The traditional plot is simple. But the directing goes against the story, shot on the outskirts of Las Vegas. The transformation of the chamber story into a mini-

epic about obsession constitutes the electrifying plot of the movie. And it is much more thrilling than the plot involving the bet by a scoundrel who framed common Americans, telling them about the treasures allegedly hidden in the courtyard of their house by the roadside. The wretched petty gambler Eddy becomes the hostage of the local swindle and of universal hopes. He gradually turns into a possessed gambler who makes a bet with himself, a human grain of sand. The stakes in this deadly game of «land and freedom» are the mythic American dream. The result is the elimination of pitiful happiness in one-storied America near Sin City. The house, which looks like a trailer, is brightened up by the parrots in a cage, the joy of teenage Mitch. The dried-up land is adorned by potted flowers which Tracy, who works as a waitress, grows up in spite of the drought. These potted flowers will make their way into the finale, the cemetery-like setting, as a memory of the people who once lived there. Pitiabile tomatoes are the persistent housewife's reward procured for the scanty family dinner. And this booty, crushed in the ecstatic orgy by the bulldozer, will leave a bloody trace on the soil, becoming the booty in the battle for the life of her husband, the grave digger of the fragile trophy. Blinding his characters, the director turns this story into a tragedy, which des not surpass reality and is shot digitally. No trace of the effective art. The coherence of time-place-action. The logical starting point and the irrational propensity for overpowering one's fate. The disturbing ding of cell phones in the wind foretells the storm in the desert which in turn predicts the transformation of people into dust or specters of extinguished hopes. The superhuman concentration of gaze and the laconic technique give rise to tense minimalism of settings and compositions. The screen space saturated with the pale fire of the characters' desire excites or dries them up. Uncompromising moves to eradicate passion was typical of other characters in Naderi's American movies as well. But in «Vegas» they reach the inevitability of fate in the Old Testament.

Zara Abdullayeva

The Other Bank

The Event
Dir. Andrei Eshpai, 112'

«*The Event*» is not the first movie adaptation in your career. Have you discovered any laws governing the work in this sphere of moviemaking? Filmmakers who adhere to «pure» cinema often dismiss screen versions as mere illustrations, as not real cinema. I cannot agree with this point of view. What about the brilliant movie by Kurosawa «The Idiot»? There are lots of similar examples. In my opinion what is most important is not to fall under the spell of the literary text but to try to enter into a dialogue with it, to find living characters, vibrant chords, something that would resound with the present day. When this is achieved, the spark of cinema will flare. If you try to simply follow the text, to include all the dialogues you will get a wretched reconstruction. It took us a long time to make this film because initially we prepared a TV version, then we reworked it and early this year we completed the cinema version. In the present cinematic context this is probably a very strange film. Moreover, it is the first screen version of Nabokov's work in Russia and the twelfth or thirteenth in the world. *Nabokov's language is very specific. What were the most important and the most difficult aspects of your work?* The most complicated question is that of Nabokov's time and space. The collapse of genres which is taking place in his works makes it hard to define a single direction. Two things gave us a chance to approach his strange language and create our own world of a kind. First of all it is the painter's and photographer's studio, which is mostly black and at certain moments it «transcends» into space devoid of time. Secondly it is Lyuba's disturbed mind. Everything is happening in her head which can justify a lot of genre shifts. It is our elaboration that she is a photographer and a drinker, this is a totally new interpretation of the play «The Event». On the one hand the character that Chulpán Khamatova is playing is a complicated personality, but on the other hand it is some almost inhuman being, some generic matter, some lost soul which goes beyond the real-life definitions of character. Nabokov lost Russian but to him it mattered more than to many people who live here. He remains a unique Russian author and the schism in him – in his language, in the development of characters, the elements of the disintegration of personality and the loss of certain footholds - is a very Russian quality. In «The Event», in our dialogue with Nabokov, I wanted to show how deeply intrinsic it is for him.

**Interviewed by Peter Shepotinnik
and Asia Kolodzhner**

22 июня / June, 22			
15:00	Афины – Стамбул / <i>Athina – Konstadinoupoli</i>	Киноцентр, 1	103
15:00	Безмолвие / <i>Silence</i>	Октябрь, 2	70
16:00	Десять шагов к Востоку / <i>Desyat shagov k vostoku</i>	Октябрь, 3	60
16:30	Забвение / <i>El Olvido</i>	Октябрь, 5	93
16:30	Противостояние / <i>Samar</i>	Киноцентр, 4	126
16:30	Измена / <i>Perfidia</i>	Художественный, 6	80
16:45	Женщина-обезьяна / <i>La Donna Scimmia</i>	Октябрь, 7	96
16:45	Такси-блюз / <i>Taksi-bluz</i>	Киноцентр, 7	110
17:00	Муки в огне / <i>Mooki bo'era</i>	Октябрь, 1	102
17:00	Событие / <i>Sobytie</i>	Октябрь, 2	112
17:00	Человек-вечность / <i>The Eternity Man</i>	Октябрь, 8	63
	Отправьте меня на электрический стул / <i>Send Me to the 'Lectric Chair</i>	Октябрь, 8	7
17:30	8 / 8	Киноцентр, 1	100
17:30	Чистые пруды / <i>Chistye prudy</i>	Октябрь, 3	80
17:45	Папа Джованни / <i>Il Papà di Giovanna</i>	Октябрь, 6	104
18:00	Снег / <i>Snijeg</i>	Октябрь, 9	99
18:30	Перевернутая елка / <i>Obarnata elha</i>	Октябрь, 8	127
18:45	Перестройка / <i>Perestroika</i>	Октябрь, 7	98
19:00	Граница / <i>Sahman</i>	Октябрь, 4	82
19:00	Загнать молитвой черта в ад / <i>Pray the Devil Back to Hell</i>	Октябрь, 5	72
19:00	Отец солдата / <i>Djariskatsis mama</i>	Октябрь, 10	83
19:00	Программа фестиваля Transmediale / <i>Transmediale Festival for Art and Digital Culture</i>	Киноцентр, 7	73
19:30	Батори / <i>Bathory</i>	Художественный, 6	138
20:00	Вегас. Подлинная история / <i>Vegas: Based on a True Story</i>	Октябрь, 6	7
20:00	Дорога / <i>La Strada</i>	Октябрь, 3	108
20:00	История Пьеры / <i>Storia di Piera</i>	Киноцентр, 1	109
20:00	Манила / <i>Manila</i>	Октябрь, 9	90
20:00	Мелодия для шарманки / <i>Melodiya dlya Sharmanki</i>	Октябрь, 1	149
20:00	Последний разговор / <i>Last Conversation</i>	Октябрь, 2	75
20:30	Семь интеллектуалов в бамбуковом лесу (1,2 часть) / <i>Seven intellectuals in the bamboo forest (part 1,2)</i>	Киноцентр, 4	93
21:00	Диллинджер мертв / <i>Dillinger e morto</i>	Октябрь, 7	95
21:00	Добровольно-принудительно / <i>De Ofrivilliga</i>	Октябрь, 8	98
21:00	Жесткие тетки / <i>Rough Aunties</i>	Октябрь, 5	103
21:30	Конкурсная программа X Медиа форума / <i>The competition program of the 10th Media Forum</i>	Киноцентр, 7	130
21:30	Старт / <i>Le Départ</i>	Октябрь, 4	93
22:00	Весна сорок первого / <i>Spring 1941</i>	Октябрь, 9	124
22:00	Семь интеллектуалов в бамбуковом лесу (3,4 часть) / <i>Seven intellectuals in the bamboo forest (part 3,4)</i>	Киноцентр, 4	105
22:00	Голландия / <i>Holland</i>	Художественный, 6	78
22:30	Лай черных псов / <i>Kara köpekler havlarken</i>	Октябрь, 6	88
23:00	С новым годом! / <i>Happy New Year</i>	Октябрь, 7	94
23:00	Я тебя съем / <i>Je te mangerais</i>	Октябрь, 2	96
23 июня / June, 23			
09:00	Пропавший без вести / <i>The Missing Person</i>	Художественный, 6	95
11:15	Зона конфликта / <i>Konphliktis zona</i>	Художественный, 6	82
13:00	Загнать молитвой черта в ад / <i>Pray the Devil Back to Hell</i>	Октябрь, 5	72
13:15	Выходка / <i>Tréfa</i>	Художественный, 6	94
14:30	Разные судьбы / <i>Sooraj Ka Satvan Ghoda</i>	Киноцентр, 4	130

15:00	Жесткие тетки / <i>Rough Aunties</i>	Октябрь, 5	103
15:30	Кадиллак рекордз / <i>Cadillac Records</i>	Киноцентр, 1	109
15:30	Последний разговор / <i>Last Conversation</i>	Октябрь, 2	75
15:30	Семя человеческое / <i>Seme dell'Uomo</i>	Октябрь, 7	108
15:30	Четыре жизни / <i>Chaturanga</i>	Октябрь, 4	125
15:30	Дама с собачкой / <i>Die Dame mit dem Hündchen</i>	Художественный, 6	60
15:45	Луна-парк / <i>Luna Park</i>	Киноцентр, 7	110
16:00	Привидение, которое не возвращается / <i>Privideniye kotoroye ne vozvrachshayetsa</i>	Октябрь, 3	67
16:30	Другая Ирина / <i>Sealaltā Irina</i>	Октябрь, 8	90
16:30	Раки / <i>Raci</i>	Октябрь, 1	110
17:00	Бегство из тени / <i>Utek ze stinu</i>	Киноцентр, 4	101
17:00	Измена / <i>Perfidia</i>	Октябрь, 2	80
17:00	Неразлучники / <i>Lovebirds</i>	Октябрь, 9	100
17:30	Эффи Брист / <i>Effi Briest</i>	Октябрь, 6	118
17:45	Клара / <i>Geliebte Clara</i>	Октябрь, 7	109
17:45	Тобрук / <i>Tobruk</i>	Киноцентр, 1	100
18:00	Вот так мы идем по луне / <i>This Is How We Walk on the Moon</i>	Киноцентр, 7	76
18:00	Юный Фриц / <i>Yuny Frits</i>	Октябрь, 3	25
18:00	Однажды ночью / <i>Odnazhdi nochyu</i>	Октябрь, 3	55
18:00	Дорогуша / <i>Cheri</i>	Художественный, 6	100
18:30	Возвращение на обетованную землю / <i>Veradardz avetyats yerkir</i>	Октябрь, 4	87
18:30	Конд / <i>Kond</i>	Октябрь, 4	40
18:30	Расследование / <i>Razsledvane</i>	Октябрь, 8	105
19:00	Наш двор / <i>Chveni ezo</i>	Октябрь, 10	90
19:00	Рене / <i>René</i>	Октябрь, 5	83
19:00	Хамелеон / <i>Kaméleon</i>	Октябрь, 9	105
19:30	Петя по дороге в царствие небесное / <i>Petia po doroge v tsarstvie nebesnoye</i>	Октябрь, 1	97
20:00	Зеркало / <i>Zerkalo</i>	Октябрь, 3	128
20:00	Ретроспектива работ Джеспера Джаста / <i>The retrospective of Jespel Just</i>	Киноцентр, 7	85
20:00	Роскошная жизнь / <i>Lymelife</i>	Киноцентр, 1	93
20:00	Самая счастливая девушка на свете / <i>Cea mai fericita fata din lume</i>	Октябрь, 6	100
20:00	Скоро вернусь / <i>Skrapp út</i>	Октябрь, 7	92
20:00	Сплетенные параллели / <i>Khchchvac zugaherner</i>	Октябрь, 2	91
20:00	Белая лента / <i>Das Weiße Band</i>	Художественный, 6	144
21:00	Венди и Люси / <i>Wendy and Lucy</i>	Октябрь, 8	80
21:00	Внешние приметы / <i>Rysopis</i>	Октябрь, 4	80
21:00	Не выпускайте меня на свободу, я займусь этим сам / <i>Ne me libérez pas, je m'en charge</i>	Октябрь, 5	107
21:00	Семь интеллектуалов в бамбуковом лесу (5 часть) / <i>Seven intellectuals in the bamboo forest (part 5)</i>	Киноцентр, 4	124
21:30	Адела / <i>Adela</i>	Октябрь, 9	90
21:45	Конкурсная программа X Медиа форума / <i>The competition program of the 10th Media Forum</i>	Киноцентр, 7	130
22:00	Большая жратва / <i>La Grande Bouffe</i>	Октябрь, 7	130
22:00	В поисках Эрика / <i>Looking for Eric</i>	Октябрь, 1	116
22:15	Ушедшие / <i>Okuribito</i>	Октябрь, 6	131
22:30	Дорогуша / <i>Cheri</i>	Октябрь, 2	100
22:45	Программа фестиваля Freewaves / <i>Freewaves Festival of Experimental Media Art</i>	Киноцентр, 4	90
23:00	Снег / <i>Snijeg</i>	Октябрь, 8	99

б – большой зал

Пресс-показы

РЕДКОЛЛЕГИЯ: ПЕТР ШЕПОТИННИК
/АСЯ КОЛОДИЖНЕР /ЛАРИСА КАЛПАТИНА
/АЛЁНА СЫЧЁВА /АНДРЕЙ ШИГОЛЕВ /ОЛЬГА АРТЕМЬЕВА
/ЕКАТЕРИНА ВАСИНА /ИЛЬЯ КОПЫЛОВ /ЕВА КРАУС
/МИХАИЛ КУКИН /ЮРИЙ ЛАБУНСКИЙ / КРИСТИНА НАГОЕВА
ПЕРЕВОДЫ: МАРИЯ ТЕРАКОПЯН, ОЛЬГА АРТЕМЬЕВА
ФОТО: ВЛАДИМИР МАКСИМОВ
ВЕРСТКА: МАРИЯ РЕВЯКИНА
МАКЕТ ГАЗЕТЫ: ДМИТРИЙ МЕТЕЛКИН /ОЛЬГА ЛЬНЯНАЯ
E-MAIL: MANEGE_OCT@BK.RU
ТЕЛ.: (495) 6628060